

Мария Юрьевна Чепурина
Три встречи в Париже
Серия «Любовь + Путешествия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949535
Три встречи в Париже / Мария Чепурина: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58320-1

Аннотация

О чем мечтает каждая девчонка? Поехать в Париж и влюбиться в красавца, и чтобы все было как в кино: прогулки по Елисейским Полям, романтические вечера у Эйфелевой башни... французские поцелуи. Листая модные журналы, Лиза уже видела себя в этом шикарном городе в объятиях настоящего принца. Поэтому когда родители решают отправить ее во Францию, радости девушки нет предела – мечты наконец-то станут реальностью. Очутившись в месте, о котором она столько грезилась, Лиза успевает не только сходить на три незабываемых свидания, но и влюбиться в настоящий Париж, который, как оказалось, скрывает массу неожиданных сюрпризов...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мария Чепурина

Три встречи в Париже

Глава 1

Однажды в декабре

– Ой, смотри, моя любимая реклама! – сказала Настя.

На развороте глянцевого журнала – совсем новенького, пахнущего еще типографской краской, – красовался бледно-сиреневый кусок мыла, пропитанный, если верить производителю, настоящими французскими духами. Фоном к главному герою рекламы шла панорама ночного Парижа, увенчанного своей знаменитой короной – Эйфелевой башней, Тур Эффель. Разукрашенная тысячами горящих лампочек, она походила на новогоднюю елку, навевая ощущение вечного праздника. Как выглядели и что собой представляли окружающие башню кварталы, было не видно, да и не важно – само собой разумелось, что жители этого благословенного района проводят всю свою жизнь в удовольствиях. Моются мылом, к примеру.

– Красивое фото, – заметила я.

Настя перелистнула страницу. И здесь Париж! На этот раз нашему взору предстала реклама колготок. Изящная девушка восседала за столиком на террасе кофейни, держа на коленях маленькую собачку, когти которой были, само собой, не страшны предлагавшемуся товару. Фото было сделано немного снизу, чтобы ноги модели казались еще длиннее, а надевшие на нее колготки бросались в глаза в первую очередь. Во вторую очередь взор привлекали красовавшиеся на столике чашка кофе и круассан. Для тех, кто еще не понял, где происходит дело и жительницы какого города предпочитают нервущиеся чудо-чулки, на заднем плане, там, где кончалась череда домиков, являвших собой само воплощение европейскости и уюта, виднелась Арк де Триумф – Триумфальная арка Наполеона.

– Неплохо бы там оказаться, – заметила Настя.

– Еще бы! – вздохнула я. – Просто мечта!

– А ты представляешь, ведь эту модель, чтобы в рекламе заснять, небось специально в Париж свозили! Она там пофоткалась, покрасовалась, да еще и денежки получила! Вот бы такую работу, а, Лиза?

– Да ну! – я скривилась. – Если уж я когда-нибудь и поеду в Париж... а я туда непременно поеду, просто обязана!.. Так вот, если уж ехать туда, то не работать, а отдыхать! Гулять, развлекаться, по магазинам ходить... Художникам всяким позировать на Монмартре!

– И в кафе кофе пить с круассаном! – добавила Настя.

– Ну это само собой. Кофейня на Елисейских Полях, открытая терраса, модная публика, услужливые официанты... – размечталась я. – А рядом Он!

– Кто? Леха? – спросила подруга.

– Какой еще Леха?! У нас с ним давно все закончилось, сколько тебе повторять! Не Леха, а француз! Настоящий француз! Такой, знаешь, в берете и с шейным платком, романтический, чернявый, чуть-чуть легкомысленный, любящий музыку и обязательно стильный! Какой-нибудь Луи или Жан-Батист...

– И французский поцелуй! – сказала Настя, хитро улыбнувшись.

Мы открыли журнал наобум и в очередной раз попали на рекламу. Огромный красный рот, изображенный на развороте, был, конечно, очень красив, но все же немного пугающ.

Снизу значилось: «Настоящая французская помада для настоящего французского поцелуя!» В тему, как по заказу.

— Ладно, в конце концов, у нас тоже все это есть... — неуверенно проговорила Настя, и в ее словах мне послышались нотки обреченности. «В Париж нам не попасть, так что придется довольствоваться тем, что есть дома» — вот что имела в виду подруга на самом деле.

— Что еще за пессимизм?! — сказала я. — Ты что, Настька?! Мы достойны лучшего! Борись!

То, что «лучшее», которого мы достойны, обязательно должно находиться в Париже, разумелось само собой. Впрочем, сейчас, когда русские олигархи предпочитают жить в Лондоне, модные девочки носят майки с надписью «Я люблю Нью-Йорк», богачки ездят на шопинг в Милан, а творческие души рвутся на Гоа, наша с Настькой мечта о Париже может показаться несколько устаревшей... И все же этот город мы предпочитаем любому другому. Причиной тому — наше обучение в школе с углубленным изучением французского языка.

С первого класса мы учимся вместе, с первого класса дружим и с первого же класса — то есть десятый год уже, получается, — лицезреем картинки с достопримечательностями французской столицы, развешанные по кабинету иностранного. Тур Эффель, Арк де Триумф, Гранд Опера, Мулен Руж, Нотр-Дам, Шанз-Элизе... Мы привыкли называть их именно так, на языке оригинала. Научились находить на карте. Зазубрили многочисленные устные темы насчет того, что Париж — это «большой экономический и административный центр», а по его улицам «циркулирует большое количество автомобилей». Но никто из нашего класса пока так и не побывал в этом городе — таком далеком и таком близком, таком своим и одновременно таким чужом. «Все там будем... в Парижике», — говорила Галина Павловна, некрасивая, одинокая женщина, преподававшая у нас французский язык и сама ни разу не бывавшая в нашем общем городе мечты. То ли она таким странным образом хотела нас подбодрить, то ли просто разговаривала сама с собой, было непонятно, но оптимизма нам ее слова не прибавляли. Год проходил за годом, а Лютеция¹ так и оставалась для нас волшебной сказкой, старательно рассказываемой Галиной Павловной, которая, кажется, и сама не очень-то верит в существование этого города на земле. Иногда мне казалось, что мы похожи на учеников какой-нибудь религиозной школы, которые много лет изучают Бога, но никогда его не увидят. Впрочем, в другие дни мое настроение было иным, и я чувствовала уверенность, что все-таки прогуляюсь по Елисейским Полям, и довольно скоро. Таких, вторых, дней было больше. Я вообще довольно уверенный человек.

Кстати, наверно, пора рассказать о себе. Зовут меня Лиза Маркизова, и неделю назад я отпраздновала свое шестнадцатилетие. У меня есть старшая сестра Марина. Она тоже окончила французскую школу, в которой мы обе оказались просто из-за того, что она ближе всего к нашему дому. Теперь Марина учится на историка Франции в Центре имени Марка Блока в РГГУ. Между нами говоря, она ужасная ботанка. Только и говорит, что о всяких старинных героях, учебниках, книжках и о своих курсовых работах. Парня у нее нет и, кажется, никогда не было, хотя сестре уже двадцать лет. Похоже, с давно умершими деятелями ей хороводиться веселей, чем с живыми ребятами. Хотя, возможно, все наоборот: ровесники просто никогда не обращали внимания на Маринку, а двухсотлетние герои всегда были к ее услугам — куда им деваться-то!

Я совсем не такая. Честно говоря, с трудом себе представляю, что чувствуют девчонки, которые сидят по углам во время медляков на дискотеках и не получают ни одного письма на День Валентина. Страдания многих ровесниц насчет того, что «мне уже сколько-то там лет, а я еще ни разу не целовалась», мне тоже незнакомы. Первый поцелуй у меня случился в четырнадцать с половиной лет с Левой Бровкиным из параллельного класса. Правда, исто-

¹ Лютеция — древнее название Парижа.

рия с ним продолжалась недолго: через неделю он отказался пойти со мной в аквапарк, из чего я заключила, что он трус, и мы расстались. Потом был Саша Семибратов из десятого – мы встречались полгода, но почему-то поссорились, я уж не помню, из-за чего. Еще какое-то время я гуляла с Алешей Логиновым, но очень быстро заметила, что он скучный, хотя Настька, уж не знаю почему, воображает, что мы вместе. Были и другие ребята, пытавшиеся за мной ухаживать, но получившие от ворот поворот. Например, Виталик со двора – настоящий гопник, с ним у нас точно не будет ничего общего! Или вот Ваня Смородинский, одноклассник: недавно он написал мне записку, где объяснился в чувствах. Отвечать я не стала. По-моему, в этом Ване нет ничего интересного. Думаю, в будущем у меня будет сколько угодно таких, как он. Девушка моей внешности, к которой кавалеры строятся в очередь, не должна распыляться на всякие бесперспективные связи. Это всякие неудачницы, на которых за всю жизнь взглянул один парень, пусть сразу хватают, что подвернулось. Лизе Маркизовой нужен настоящий принц, и она может себе позволить его дожидаться...

Нет, вы только не подумайте, будто бы я какая-то вертихвостка, которая часами просиживает перед зеркалом, только и думая, как бы понравиться очередному кавалеру! Я вообще ничего специально не делаю, чтобы нравиться. Конечно, ухаживаю за собой (иногда), причесываюсь (если настроение есть для этого), одежду люблю красивую, но не до фанатизма. Главную работу за косметологов и визажистов делает мое природное обаяние – так сказала моя мама, и мне очень нравится эта фраза.

С учебной проблем тоже нет. Соображаловка у меня работает как следует, поэтому думаю, если медали мне не дадут (впрочем, это маловероятно), затруднений с поступлением в институт все равно не возникнет – хоть в гуманитарный, хоть в естественно-научный. Разумеется, это будет что-нибудь уровня МГИМО или МГУ... хотя, может быть, и Сорбонна!

Сорбонна... Вот я и снова вернулась к парижской теме! Никуда от нее не денешься!

– Ладно, не трави душу, – сказала я Насте. – Давай найдем в этом журнале хоть что-нибудь, не связанное с Парижем.

– Тебе-то что страдать? – отозвалась та. – Твоим предкам вполне по средствам съездить хоть во Францию, хоть в Италию, хоть в Испанию.

Это правда. Мои родители, конечно, не олигархи, но всем необходимым и даже немножко сверх нас с Маринкой обеспечивают, и машину вот недавно купили. Правда, жить так хорошо мы стали совсем недавно, года два назад, когда папа нашел новую работу, а маму повысили. До этого о поездках за границу мы могли только мечтать. А теперь, когда появились деньги, возникла новая проблема.

– По средствам-то по средствам, – сказала я. – Только вот что за удовольствие ехать в Париж с родителями? Это же не санаторий какой-нибудь, даже не пляж турецкий. Это самый романтичный город на земле! И ты хочешь, чтобы я гуляла по нему с занудными предками?

– Но одну или с парнем тебя не отпустят.

– Да в этом-то все и дело! Похоже, придется мне ждать совершеннолетия, чтобы совершить путешествие своей мечты! – Я вздохнула. – Ну и ладно. Зато все будет так, как я хочу! По полной программе! К этому времени у меня уже будут серьезные отношения со взрослым человеком, и мой Париж окажется самым романтичным Парижем в мире!

Настя перелистнула страницу, и мы наконец нашли что-то помимо рекламы: а именно статью о макияже. Статья сопровождалась фотографиями двух девушек: у одной волосы были черные, пышные, очень кудрявые, как у меня, а у другой, как у Настьки, – прямые и русые.

– Это мы с тобой, – заметила подруга.

– Точно, – улыбнулась я. – Всегда вдвоем!

Можно было бы сказать, что мы с Настей как сестры, если бы само слово «сестра» не ассоциировалось у меня с занудством и скукой.

– Можно забрать? – неожиданно вклинилась в наш разговор девушка-уборщица.

Я кивнула. Девушка убрала с нашего стола поднос с обертками от гамбургеров и пустыми картонными стаканами. Сразу стало как-то неуютно.

– Что, пойдём? – спросила Настя.

– Ну, пошли.

Настя спрятала в сумку журнал, и мы стали натягивать верхнюю одежду: на дворе стоял декабрь, конец второй четверти. Пять минут спустя двери фастфуда закрылись за нашими спинами. К этому времени, увлеченные беседой на какую-то новую тему, мы уже совершенно забыли, что только что говорили о Париже.

Когда я пришла домой, то сразу заметила, что у родителей какой-то загадочный вид. Сначала я не придавала этому значения. Но вскоре, когда, молча пронаблюдав за тем, как я снимаю пальто и ботинки, они вместе последовали за мной на кухню, стало понятно, что меня ожидает какой-то особенный разговор. Наливая себе суп из кастрюли, я боковым зрением наблюдала за стоящими рядом предками и пыталась сообразить, что случилось. Может, у меня будет младший братик? Или сестренок? А что, классно! Уж я не позволю ей вырасти такой же помешанной на древности занудой, как...

– Лиза, – начал папа неожиданно. – Как бы ты посмотрела на то, чтобы поехать в Париж на зимних каникулах?

Я онемела. В Париж?! Хорошо, что папа сказал это, когда я уже поставила тарелку с супом на стол, а то я непременно облилась бы и ошпарилась! И еще хорошо, что он дождался, пока я сяду! Теперь понятно, почему родители не стали огорошивать меня такой новостью прямо у порога – видимо, понимали, что от счастья я могу свалиться в обморок!

Как только дар речи и способность к мышлению вернулись ко мне, я просила:

– С кем?

– Не бойся, не с нами, – улыбнулась мама. – То, что со «старыми предками» тебе отдыхать неинтересно, мы уже в курсе.

– С сестрой, – сказал папа.

– С Мариной?!

– С Мариной и ее однокурсницами.

Я от счастья чуть не завопила! Без родителей! С девчонками! В Париж! Марина, конечно, скучная, но поучать по пути и держать меня на коротком поводке она точно не будет! Ее вообще мало заботят откружающие. А уж если там будут еще и девчонки-студентки – наверняка они не такие отмороженные, как моя сестрица! – можно будет вообще оторваться на славу! Настоящее взрослое путешествие в дружеской компании, как в кино! Ура, ура, ура!

– По лицу видно, что уговаривать не придется, – заметили родители.

Я кинулась их обнимать.

Через некоторое время стало ясно, какого рода поездка мне предстоит и почему она появилась на горизонте так внезапно. Оказывается, Маринкин научный руководитель узнал о фирме, которая организует учебные туры в Европу с записью на языковые курсы и посещением в семье местных жителей. Он загорелся идеей отправить наконец свою подопечную в город, историю которого она столько времени изучает, а заодно уговорил еще несколько девчонок с курса: Францию и французский язык в Центре Марка Блока изучают все, и такая «языковая» поездка пошла бы на пользу любому студенту. Родители одобрили этот план, а затем решили отправить под Марининым присмотром и меня: ведь то, как я мечтаю о Париже, не было в нашем доме секретом ни для кого.

Осознав свое счастье, я первым делом позвонила Насте, чтобы им поделиться.

– Ничего себе! – поразилась подруга. – А сама прибуднялась, мол, ждать надо будет...

– Кто же знал, что все так совпадет? Только сегодня об этом поговорили – и вот такой сюрприз! Похоже, что настоящее счастье всегда сваливается на человека внезапно...

– Но ты говорила, что собираешься поехать в Париж с бойфрендом, – неожиданно напомнила Настя. – С любимым парнем, а не со своей нудной сестрой и ее подругами, которых ты вообще никогда не видела! Вдруг они какие-нибудь чокнутые?

– Девчонки не проблема. А что касается парня... я найду его прямо на месте!

– В смысле? – судя по тому, что этому дурацкому вопросу предшествовала некоторая пауза, подруга на том конце провода испытывала определенное замешательство. Это и понятно – она не такая смелая и самоуверенная, как я!

– В прямом. Я найду себе парня в Париже. Это же самое подходящее место для начала романтических отношений!

– Ну ты даешь!.. Но ведь там же... одни французы! – сморозила Настя очередную глупость.

– Ну и что?

– Они... Они не русские... У них там другие привычки и все такое...

– Да глупости, Настька! Разве это не круто – выйти замуж за иностранца?! Сколько девушек мечтают о подобном! Не за папуаса, разумеется, а за жителя цивилизованной, богатой Европы! Француз – это же лучший вариант!

– Так ты уже и замуж собралась? – ахнула Настя.

– Ну, не сейчас, погодя... А что тут такого? Мы полюбим друг друга в Париже, потом я уеду, потом он приедет сюда, потом вновь пригласит меня в гости... Когда мне исполнится восемнадцать, мы будем готовы к браку.

– Ну даешь...

– А что такого?! Это же такой шанс! В Париже, без родителей, со знанием языка... Разве ты не читала книжки про девушек, которые поехали отдыхать за границу и познакомились там с иностранцами? Неужели ты думаешь, что я позволю, чтобы моя поездка ограничилась ходьбой по музеям и выслушиванием Маринкиных лекций?!

– Нет, но слушай...

– У меня будет роман с французом, Настька! Это я решила точно!

– Но где ты возьмешь этого француза? Будешь бегать по улице и приставать к незнакомым людям, так, что ли? Думаешь, за две недели так просто найти в большом городе парня своей мечты?

– Об этом не волнуйся! – я довольно улыбнулась телефону. – У меня уже есть план на этот счет.

План мой был очень простым. Чтобы не тратить время на поиски кандидатов в мои бойфренды на месте, требовалось всего лишь познакомиться с ними заранее – по Интернету. В тот же вечер я открыла сайт поиска друзей по переписке в разных странах, зарегистрировалась, создала анкету, а затем запустила поиск, введя параметры: город – Париж, пол – мужской, возраст – от 16 до 20. Результат оказался впечатляющим: сайт выдал мне больше ста анкет французских юношей, желающих познакомиться! Ладислас, Тибо, Арно, Лоик, Кантен, Борис...² Что-то ни Луи, ни Жан-Батистов не видать. Ну, не страшно! Есть из чего выбрать.

Спустя пару недель интенсивной рассылки запросов и обмена сообщениями на роль моего принца наметились три кандидата. Все они писали, что я прекрасна, и мечтали о личной встрече, со всеми были общие интересы, и ни у одного не было замечено каких-нибудь отталкивающих качеств или манер.

² Читая французские имена и любые слова вообще, следует помнить, что ударение во французском языке всегда на последний слог.

Имя первого было Адам, и недавно ему исполнилось восемнадцать. Судя по фото и письмам, он был именно такой француз, о каком я мечтала: смуглый, черноволосый и очень страстный! Уже на второй день нашего общения Адам написал, что я королева и он хочет на мне жениться. А когда узнал, что я приеду в Париж, вообще пообещал осыпать меня подарками и сразу же познакомить с родителями! Не скрою, что мне льстили его слова. Порой даже казалось, что, раз есть Адам, тратить время, разыскивая других кандидатов, уже не надо. Но все же не следовало складывать все яйца в одну корзину. В реале парень мог оказаться не таким уж классным, так что я предпочла подстраховаться и назначить свидание еще двоим.

Второго парня звали Энтони. Или, может быть, скорее Антони, как это читается по-французски. Честно говоря, меня немного напрягало и удивляло, что имя парня звучало не Антуан, а именно так, на английский лад: видимо, он был ненастоящим французом. Ну и ладно, зато он был симпатичным – светлые волосы, голубые глаза – и образованным: переписка явно показала, что Антошка, как я его мысленно называла, может поддержать разговор на многие темы. Кроме того, он был самым старшим: родился раньше Адама на восемь месяцев.

Третьим был мой ровесник Фабьен. С ним появилась одна проблема – у Фабьена не было фотографии. В глубине души я побаивалась, что он окажется каким-нибудь страшилой, но все равно решила встретиться в реале: Фабьен просто засыпал меня комплиментами, а окончательно сразил тем, что сочинил в честь меня песню, сам ее исполнил, записал и прислал мне в виде звукового файла! Была не была, решила я. Свидание с человеком, чьего лица ты раньше не видела, будет даже прикольнее! Внешность – это не главное, в конце концов. Да и имя у Фабьена было из всех троих самым благозвучным, самым французским!

За день до отъезда я прошлась по магазинам, прикупила разных обновок, косметики и нарядов. Потом собрала чемоданы и написала Адаму, Фабьену и Энтони по письму с сообщением, что скоро увидимся. Парни отозвались восторженными мессагами, полными заверений, что ждут меня и считают дни до заветной встречи.

Таким образом, к парижскому роману я была готова.

Глава 2

Первые трудности

– Карина, – сказала Марина, указывая на коротышку-брюнетку. – А это Ирина, – продолжила она, представляя мне и родителям вторую однокурсницу, тощую светловолосую каланчу.

– Очень приятно. Я Лиза.

Забавно! Оказывается, у всех моих попутчиц созвучные имена. А вот внешность у них до смешного различается, да и характер, похоже, тоже, по крайней мере на вид. Ира – какая-то вялая, даже безвольная. А Карина что-то слишком уж волевая. И взгляд у нее словно хищный, как будто только и ищет, чего бы слопать в этом аэропорту.

Да, я ведь, кажется, забыла сообщить: наше знакомство происходило в Шереметьеве, за два часа до отлета. Все были с чемоданами на колесиках, все одеты уже не по русской, а по парижской погоде, все взволнованы... и все с родителями. Странно, я-то думала, в двадцать лет человек считается взрослым и предки уже оставляют его в покое!

Не буду рассказывать про всякие охи и вздохи, неизбежные при любых проводах, наказы Маринке следить за мной, скучные наставления и все в таком духе. В регистрации и досмотре тоже не было ничего примечательного. Наконец настал момент, когда мы сели в специальный автобусик, доехали до самолета и, поднявшись по огромной белой лестнице, оказались внутри.

«Ины» сели вместе – им дали посадочные талоны А, В и С в одном и том же ряду. Я отказалась от места D, ведь оно было через проход, и предпочла А в следующем ряду, возле иллюминатора. С точки зрения наблюдения это место оказалось очень удобным: мне требовалось всего лишь приподняться, чтобы обзреть, что делают девчонки впереди меня; им же для аналогичного действия надо было разворачиваться задом наперед. Именно так я и планировала провести путешествие: всегда быть немного на расстоянии, контролировать попутчиц, если надо, и не позволять им контролировать себя. Ведь неважно, кто моложе, важно, кто умнее! И красивее...

Самолет еще не начал движение, а моя сестрица уже вытащила из сумки какую-то книжку по истории и уткнулась в нее. Карина тоже не стала скучать: взяла из кармашка в переднем сиденье рекламный журнал и принялась разглядывать рекламу автомобилей и бриллиантов. Что касается Иры, устроившейся между ними, то она как-то беспокойно заерзала, завертелась и словно начала что-то искать. Особенно заметной эта возня стала после того, как стюардесса встала в проходе и рассказала о том, как пользоваться спасательным жилетом и кислородной маской, не забыв, разумеется, упомянуть о том, что «наш полет проходит на высоте 7000 метров» и он «абсолютно безопасен». А когда машина стала брать разбег, Ирка вздохнула так громко, что наконец удостоилась недовольного Каринино:

– Ты чего?

– Ох, девчонки, – сказала Ирина. – Как вы думаете, мы не упадем?

– Еще чего! – ответила Карина.

– Статистически это маловероятно, – отозвалась Марина. – Ведь наше представление о часто падающих самолетах создается муссированием этой темы в средствах массовой информации.

– Но, вообще-то, всякое бывает, – влезла я, просунув голову между трусикой и поклонницей бриллиантов.

Ирина застонала – то ли от страха, внушенного мной, то ли оттого, что самолет оторвался от земли и начал набирать высоту, а мы, соответственно, – чувствовать перегрузки. Сила тяготения оттащила меня от Ирины и насильно уложила в кресло.

– Ты чего, первый раз в самолете? – спросила Карина трусиху.

– Ага.

– Ну тогда понятно. Думай лучше о чем-нибудь приятном. Например, о том, что... мы летим во Францию! На родину Пьера Кардена, Коко Шанель...

– И братьев Монгольфье, которые изобрели воздушный шар, – поддержала Марина. – Кстати, первые летчики тоже были французы – Пилатр де Розье и маркиз д'Арланд. Они поднялись на шаре в тысяча семьсот восемьдесят третьем году, и, кстати, как раз из Парижа.

– И остались живы? – спросила я.

– В тот раз – да.

Тут Ирка снова застонала.

– Ну хватит вам! – разозлилась Карина. – Надо ее как-то по-нормальному отвлечь! Нам лететь еще три часа, а она так и будет стонать всю дорогу! Маринка, успокой ее!

– Как я успокаивать-то буду? Песенку ей, что ли, спеть? – флегматично поинтересовалась моя сестра.

– А что, хоть и песенку! Ирка! Давай споем! Потому-потому-у-у что мы пилоты... небо наш, небо наш родимый до-о-ом... Первым делом, первым делом сдать зачеты! Ну, а мальчики, а мальчики потом!.. Так, что там дальше?

Что дальше, никто не знал.

– А я знаю другую песню про самолеты, – еще раз вмешалась я. – Юрий Антонов пел. Там есть такие слова: «Давай обнимемся у трапа, мы не увидимся уже»!

– Почему это не увидимся? – в страхе пробормотала Ирка.

Я захихикала.

– Кстати, по-французски Юрий Антонов будет Жорж Дантон, – сказала Маринка. – Деятель Французской революции. Ему потом голову отрубили...

– Вы можете говорить о чем-нибудь, кроме этого?! – зарычала Карина таким тоном, как будто ей специально было поручено командовать всеми нами. – Ирка, ну-ка вытри сопли! Вот приедем в Париж, в магазин пойдем сразу! Закупимся, слышишь? Косметикой, духами, всем таким! Там есть такой магазин специальный, где все самое шикарное и гламурное продается, я прочитала в путеводителе! Как же, как же... Галерея Лафайет!

– Лафайет... – повторила Марина. – Герой Старого и Нового Света. Аж в трех революциях поучаствовал! Но вот того, что он демонстрацию расстрелял на Марсовом поле в тысяча семьсот девяносто первом году, я ему не прошу! Сколько народу тогда перемерло... А теперь там Эйфелева башня, в этом месте.

– Не слушай ее, Ирка! Мы пойдем по магазинам! Прямо завтра! Пойдем на Елисейские Поля...

– Маринка! – перебила я. – А правда, что Елисейские Поля назвали в честь королевича Елисея из Пушкина?

– Нет, Лиза. Елисейские Поля – это загробный мир в древнегреческой мифологии.

– То есть мы пойдем в рай? – удивилась Карина.

– Кто куда, – съехидничала я, вообще-то знавшая про греков и просто хотевшая раскрутить эту тему.

– Я хочу домой, – сказала Ирка, и в ее голосе уже слышались слезы.

– Прыгай, – ответила я.

– Маринка, успокой свою сестру!

– Отстаньте все...

– Нас ждут магазины, высокая мода... Купим себе что-нибудь от Диора, да, Ирка? Тебе нравится Диор?

– Диор, кстати, всю жизнь переживал из-за того, что родился в годовщину казни короля Людовика Шестнадцатого – двадцать первого января.

– Блин, Маринка!

– Ну зачем мы полетели?.. Я домой хочу!

– Уймись, трусиха!

– А еще в этот день умер Ленин...

Да, попутчицы мне попались не сахар! По сравнению с этой парочкой моя сестра просто идеал – хотя бы не ноет и не командует! Или я просто привыкла к ней? В любом случае ясно, что самая адекватная в этой компании – это я.

Что ж, быть лучшей мне не привыкать...

Три часа спустя мы благополучно приземлились на французскую землю. Нас встретил довольно унылый пейзаж: серое предвечернее небо, серая асфальтовая площадка для самолетов, серое овальное здание. На лицах девочек читалось некоторое разочарование, да и я ждала чего-то другого, более праздничного, хоть и понимала, что это глупо: куда еще мог прибыть самолет, на Елисейские Поля, что ли, сесть?

Овальное строение, бывшее аэропортом имени Шарля де Голля, оказалось довольно-таки запутанным внутри. Несмотря на то что языком мы все четверо худо-бедно владели, на то, чтобы после паспортного контроля найти свой багаж, а потом выход наружу, ушло немало сил и времени. Когда мы наконец оказались на улице, нам пришлось еще какое-то время брести в поисках остановки нужного автобуса. В турбюро нас предупредили, что от аэропорта до разных точек Парижа и его окрестностей ходят так называемые шаттлы, и это самый удобный способ добраться в город. Нам рекомендовали брать шаттл до Оперного театра. Не без труда, но мы все-таки разыскали его. Вручили водителю деньги, затащили чемоданы, усадились и принялись ждать встречи с городом своей мечты.

Поначалу маршрутка двигалась по унылому шоссе, отличному от таких же в нашей стране только тем, что реклама на едущих мимо грузовиках и автобусах, как и их номера, была иностранной. Если по сторонам и можно было увидеть какие-то здания, то только ангары, склады да набившие оскомину «Икеи» и «Касторамы». Прошло некоторое время, прежде чем мы увидели жилые дома и оказались на дороге, определенно являющейся городской улицей, а не трассой.

– Это уже Париж? – спросила Карина минут через сорок после отъезда из аэропорта.

Ответить ей было некому. Кроме нас, в маршрутке никто по-русски не говорил, а мы не знали: даже Марина и та пожала плечами. Действительно, по логике вещей, мы должны были уже приближаться к Оперному театру, но панорама за окнами выглядела как-то очень уж нестолично: разношерстные, обшарпанные домишки малой этажности, грязные улочки, исписанные стены... Лавочки, располагавшиеся на первых этажах многих домов, не соответствовали русскому пониманию своего французского названия – бутик: это были обычные маленькие аптеки, автозаправки, прачечные, фастфуды, палатки с шаурмой... Особенно впечатлила меня вывеска «Смешанная афро-европейская парикмахерская», висевшая над входом в такую зачуханную нору, по сравнению с которой даже то место, в которое ходит стричься из экономии моя бабушка, смотрится салоном красоты. Потом за окном проплыла остановка метро «Ворота Сен-Дени».

– Сен-Дени! – воскликнула Марина. – Теперь понятно. Это пригород. Один из бедняцких и эмигрантских районов. Помните, тут погромы происходили несколько лет назад, молодежь хулиганила?

– Почему? – спросила я, которая, конечно же не помнила, поскольку была не настолько древней старухой, как остальные.

– Потому что безработица, жить не на что. А полиция воровать мешает. Такой райончик... Хотя где-то тут должна быть гробница французских королей.

– Я не поняла: это Париж или не Париж? – требовательно спросила Карина.

– Наверно, и да, и нет. Вот Химки – это Москва?

– Метро нет – значит, не Москва, – сказала я. – А тут оно есть.

– Кроме того, если мы проехали ворота, то, значит, точно должны быть уже в Париже, – сказала Ира, которая, кажется, уже отошла от пережитого страха, но теперь ужасно стеснялась из-за того, что устроила в самолете.

Однако ее вывод не означал, что наша поездка сделалась более занимательной. Дома стали повыше, лавок побольше... но ни гламура, ни праздника, ни романтики мы вокруг не увидели. Потом мы поехали по какой-то горе: сперва вверх, потом вниз.

– Что за кочки?! – фыркнула Карина.

– Судя по всему, это Монмартр, – сказала моя сестра, изучая карту Парижа, которой она обзавелась загодя.

– Монмартр? – при звуке популярного названия лицо Карины мигом сменилось с раздраженного на восторженное.

– Гора мучеников... – вспомнила я изучавшийся в школе перевод этого географического названия.

– Прямо в честь нас называется, – вздохнула Ира.

Она была права. До места назначения мы еще не добрались, а уже так устали! Попытки разглядеть красоты Монмартра тоже ни к чему не привели: на улице уже совсем стемнело. В конце концов мы перестали смотреть за окна, отчаявшись увидеть там что-нибудь интересное и думая лишь о том, как бы поскорей добраться до постели. Поскольку обычно желания исполняются именно тогда, когда в их исполнение перестаешь верить, стоило нам задремать и перестать интересоваться пейзажем, как мы оказались у одного из самых знаменитых зданий Парижа – у Оперного театра.

Даже в темноте было видно, какой он большой и помпезный – лепнина, колонны, статуи, барельефы, мрамор и позолота – короче, все, что только можно! – и в какой богатой, оживленной части города находится. Впервые после посадки я ощутила, что нахожусь в столице, а не в какой-то деревне. Но ходить на экскурсии было некогда: нам предстояло добраться к мадам Лакордель, которая – хотелось бы надеяться! – ждала нас.

Кажется, я уже говорила о том, что поселить нас в этом путешествии с самого начала собирались на квартирах у местных жителей – ведь это гораздо круче и познавательней, чем в гостинице! Сперва речь шла о четырех разных французских семьях, но потом было решено, что мы с «инами» будем жить все вместе у мадам Лакордель. Да к тому же не в квартире, а в частном доме, особняке! Кроме того, предполагалось, что мадам будет кормить нас завтраками и ужинами: за еду и ночлег ей было заплачено заранее. С одной стороны, факт того, что деньги уже внесены, придавал нам уверенности и надежды на то, что мадам не выгонит нас на улицу. С другой стороны, мы все равно ужасно стеснялись и волновались идти домой к незнакомой тетке. Кто ее знает, эту мадам, что у нее на уме?

Станцию метро у Оперного театра мы разыскали довольно быстро. Купили, как советовал Маринкин путеводитель, 10 талончиков – так дешевле. Метро в Париже оказалось очень дорогим и по сравнению с московским – просто отстойным: медленным, как трамвай, без всяких украшений, с длинными вонючими переходами и путями, сделанными почему-то не по краям станции, а в середине ее, так что пассажир, внезапно решивший поехать обратно, не мог просто перейти на другую сторону перрона, а вынужден был тащиться по переходу. Сиденья в поездах были устроены не вдоль, а поперек и попарно, как в нашем трамвае или автобусе. Двери открывались не автоматически: чтобы выйти, надо было нажать на них специальный рычаг. Народ в метро был самый разнообразный: и вездесущие японцы

(или китайцы?) с фотоаппаратами, и шумные негры в рэперских прикидах, и прилизанные белые клерки в рубашках с галстуками, и люди, одетые так, словно они сошли со страниц книги о Ходже Насреддине.

Мы доехали до станции «Венсеннский замок» – конечной на своей линии. Вышли и обомлели! Прямо у выхода из подземки действительно стоял настоящий средневековый замок! Крепостные стены, массивные ворота и возвышающаяся позади главная башня с узкими окошками-бойницами – все как положено! А вокруг обычной жизнью жил город: магазины, дороги, машины, жилые дома... Кстати, эти дома меня слегка напрягли. Я ожидала, что, выйдя из метро, мы уже окажемся в частном массиве, но ничего подобного: дома вокруг были хоть и не очень высокими – в четыре-шесть этажей, – но все-таки многоквартирными, судя по виду. До мадам Лакордель оставалось минут пять ходьбы, если верить карте, и было сомнительно, чтобы за эти пять минут пейзаж полностью поменялся с городского на деревенский. Но что нам было делать? Мы пошли по адресу.

Пять минут спустя мои худшие подозрения подтвердились. Ни перед нами, нигде вокруг не было никаких коттеджей. Четыре русские девочки стояли перед многоквартирным французским домом, двери которого, выходящие прямо на улицу, были недружелюбно закрыты.

– Может, это не тот адрес? – спросила Карина.

– Нет, – ответила сестра, сверяясь с бумажкой, которую нам дали в турбюро, и надписями на стенах. – Все как надо: улица Жозефа Гайяра, дом восемь.

– Нас обманули! Нам неправильно написали адрес! – заголосила Ирина. – Мы остаемся на улице!

– Цыц! А ну-ка не раскисай! Мы что-нибудь придумаем! – заявила Карина. И тут же обратилась к моей сестре: – Маринка! Что нам делать? Придумай что-нибудь, ты же умная!

– Чего я вам придумаю? Вот адрес, вот дом! Тут еще телефон есть. Кто готов звонить мадам?

– Я боюсь, – сказала Ирка.

– А я не могу говорить по-французски без жестов! – сказала Карина. – Я вообще не могу говорить! У меня нет опыта общения с иностранцами! Лиза должна позвонить, она самая языкастая!

– Я тебе ничего не должна! – сразу нашлась я. – И вообще я тут единственный ребенок! Все претензии к Маринке!

– Что это сразу к Маринке?! Я вас к станции привела, в метро сориентировала, адрес нашла по карте... Сколько можно?! А потом вы захотите, чтобы я дверь взломала, что ли?

– Нам придется ждать полночи, пока кто-нибудь придет, чтобы просочиться! – снова заныла Ира.

Я пристроилась к сестре и заглянула в бумажку с данными, которую та держала в руках. Метро, улица, дом, почтовый индекс, телефон, еще какие-то цифры... А это что? «Code 58196».

– Код! Наверно, от подъезда!

Мы ввели код в цифровой замок, находившийся у двери, и он, к нашему облегчению, запищал. За дверью обнаружился не подъезд, как мы ожидали, а этакий туннель внутри дома – нечто вроде подворотни, но длиннее, с освещением и почтовыми ящиками. Миновав туннель, мы оказались в маленьком садике, ограниченном изгородью, увитой плющом, который даже сейчас, в январе, был зеленым. В изгороди были еще одни ворота – металлические, кованые. А из-за этих ворот – ура! – выглядывал четырехэтажный коттедж.

Мы пришли!! Мы будем жить в особняке!!!

Несколько секунд между тем, как мы нажали кнопку звонка, и тем, как дверь распахнулась, были наполнены ожиданием и волнением.

– А я ждала вас утром и уже решила, что вы не приедете, – сказала мадам (разумеется, по-французски), впуская нас в дом.

В ее словах не чувствовалось ни малейшего беспокойства по поводу нашего мнимого исчезновения. Это была подтянутая, моложавая женщина лет шестидесяти: короткая стрижка на седых волосах, брюки, легкая походка, доброжелательный, умный взгляд. Рядом с нею вертелась большая, добрая на вид собака цвета вареной сгущенки.

Мы назвали свои имена.

– Доминик, – представилась мадам. – Идемте, я покажу ваши комнаты.

Мы поднялись на третий этаж, с жадностью глаза по сторонам. Особняк не выглядел шикарным, но он был очень стильным. Вещей и украшений было мало, но все – то ли старинные, то ли подделки под старину. До чего же это было не похоже на квартиры, в которых привыкли жить мы!

– Хочу такой дом! – прошептала по-русски Карина, озвучив, похоже, общие мысли.

– Мы будем жить среди антиквариата! – восхищенно добавила Ирка.

Эта радость была преждевременной. Нас ждали комнаты на третьем этаже, разные по размеру и конфигурации, но одинаковые бедностью своей обстановки: в одной кровать и стол, в другой кровать и шкаф, в третьей кроме кровати вообще ничего не было... Скорее это были палаты в пионерлагере, а не комнаты в жилом доме.

– А здесь ваша ванная, – сказала мадам, указывая еще на одну дверь. – Вы голодны?

Мы переглянулись.

– Будем есть?

– Уже не хочется. Так устала...

– Но, с другой стороны, ложиться на голодный желудок тоже как-то не круто.

– Если предлагают, надо брать!

– Чайку попьем, и ладно.

– Да. А плотно есть не будем!

– Мы хотели бы чаю, мадам! – обратилась я к Доминик по-французски, тщательно выбрав форму глагола и вспомнив все правила хорошего тона, какие мы изучали.

– Хорошо, – сказала та. – Тогда обустраивайтесь и спускайтесь на кухню.

Мы поделили комнаты, побросали в них вещи и спустились. Кухня оказалась куда более уютной, чем доставшиеся нам «номера»: гарнитур под старину, современная техника в подходящем стиле, большой деревянный стол посередине. А на столе нас ждал чай. Просто чай. Без всего. Из пакетиков.

– Тоже мне чай! – ворчала Карина два часа спустя, когда мы все собрались в Ириной комнате. – Не могла конфет подать! Или бутербродов!

– Между нами произошло обусловленное разностью культур непонимание, – пыталась объяснить Марина. – Это для нас, русских, «пить чай» означает лопать конфеты и все, что угодно, в огромных количествах. А она-то откуда знает? Сказали «чай» – дала чай.

– Все равно, – ответила Карина. – Я надеялась, что тут будет более комфортабельно!

Я подметила, что она любит такие словечки, как будто бы из рекламы: не «удобный», а «комфортабельный», не «особенный», а «эксклюзивный», не «модный», а «трендовый»... Но от комфортабельности наши комнаты оказались действительно далеки. Убогость обстановки была мелочью по сравнению с недостатком, который обнаружился чуть позднее: переодевшись в халаты и ночные рубашки, мы очень быстро поняли, что весь третий этаж – страшно холодный! Похоже, тут вообще не было отопления. А ведь Париж Парижем, но на дворе все-таки стоял январь и, хотя снега и не было, ночью температура должна была приближаться к нулю! Температура в комнатах напоминала то, что бывает у нас в сентябре-октябре, когда холода уже наступили, а отопление еще не включили.

Особую «прелесть» такого климата я вкусила час назад, когда пошла помыться с дороги. На ручке нашего душа была шкала, на которой выставлялась температура. Вот только вода на отметке 36,6 текла ледяная, а на максимуме 50 – чуть теплая. Мыться пришлось сидя: во-первых, чтобы не заledenеть (все-таки, если собраться в комочек, тепло испаряется не так сильно), а во-вторых, потому, что ванна стояла под самой крышей, и потолок над ней был скошенным, так что, двигаясь от одного конца ванны к другому, надо было все больше и больше наклоняться. Такие же скошенные, «чердачные» потолки были во многих из наших комнат, и Ира уже успела удариться головой.

Теперь мы сидели с намотанными на головы полотенцами, завернувшись кто в кофту, кто в одеяло, и думали, как жить в таких условиях. Было понятно, что все ехали отнюдь не за таким Парижем и ожидали чего-то совсем иного. Но что делать, как поговорить с Доминик и стоит ли вообще это делать, никто не знал. Как и в случае с чаем, смущение вместе с языковым барьером оказались сильнее чувства дискомфорта, смелых и инициативных не оказалось, и мы предпочли терпеть.

– Живут же они как-то сами в таких условиях, – сказала я.

– И к тому же мы приехали не сидеть в этом доме, а смотреть город! – поддержала Марина.

– Надеюсь, что в магазине теплее, – проговорила Карина.

– Еще две недели – и дома! – закончила Ира.

В общем, мы решили, что как-нибудь проживем, и разошлись по своим комнатам.

«Пять-десять минут полежу и прогреюсь», – подумала я, ворочаясь в ледяной постели.

К сожалению или к счастью, но сон пришел раньше, чем ушел холод.

Глава 3

Знакомство с Парижем

Утром кровать было теплой, но понежиться мне снова не удалось: надо было вставать, чтобы не опоздать на занятия в языковую школу.

Мы умылись и спустились завтракать. На кухне уже ждала Доминик. Она выдала нам свежий батон (вернее, багет, ведь *baton* – это по-французски палка!) и показала, где хранятся масло, конфитюр, кукурузные хлопья, молоко, чай и кофе.

– Еврозавтрак! – восхищенно произнесла Карина, намазывая масло на кусочек душистой и пористой, почти невесомой булки. – Нам в отеле такой делали, когда мы с родителями в Италии были! – похвасталась она между делом.

– Лучше бы колбаски, что ли, дали, – вздохнула моя сестра.

– Может, завтра дадут, – предположила я, снимая пробу с сухого завтрака, который хозяйка назвала «сереаль» – «зерновым».

– А я суп и котлеты с утра ем, – ни с того ни с сего заметила Ира, самая тощая из нас. Любопытно, что все тощие, которых я встречаю, рано или поздно оказываются жуткими обжорами!

– Хватить ныть! – скомандовала Карина. – Весь цивилизованный мир так завтракает! Жуйте быстрее, а то опоздаем!

Несмотря на эти слова, после завтрака именно Карина собиралась дольше всех и заставляла ждать остальных. Впрочем, вышли мы все равно с запасом: надо ведь было не просто добраться до школы, но еще и разыскать ее в незнакомом городе!

Предстояло снова ехать на метро. Еще раз полюбовавшись на замок при свете дня, мы спустились в подземку и вскоре вышли на станции «Пер-Лашез» – так называлось старинное кладбище, неподалеку от него наша школа и находилась. Вопреки нашим опасениям отыскалась она довольно быстро, а атмосфера вокруг нее была отнюдь не кладбищенской. Некрополя мы вообще не увидели: наверно, он был хорошо спрятан. Вокруг был обычный тихий жилой район наподобие того, в котором мы поселились.

Кстати, если у кого-то слово «школа» ассоциируется с толстыми злыми тетками, которые делают замечания на каждом шагу, и тюремной атмосферой, то здесь это совершенно не к месту. За все время пребывания в нашем новом месте учебы мы не встретили ни одного человека, которому на вид было бы старше тридцати лет или который выглядел бы недружелюбно. Впрочем, пробыли сегодня мы тут совсем недолго: только написали контрольную и прошли устное собеседование, нужные для того, чтобы определить уровень знаний и подходящую группу для каждой из нас. Я и Марина сделали свои задания быстро – что получится, то и получится, больше, чем есть в голове, все равно не напишешь, да и зачем? А вот с Иркой и Кариной опять не обошлось без проблем. Первая из них все время боялась, что сделает тест недостаточно хорошо, и без конца ныла, а вторая требовала помощи и грубила, если получала отказ.

Наконец с тестами было покончено, и занимавшиеся с нами улыбчивые девушки сказали, что мы свободны. Завтра утром мы получим результаты и приступим к обучению в своих группах. А пока...

Свобода!!! И прогулки.

У нас впереди целый день, чтобы любоваться Парижем!

Однако именно тут возникла проблема.

– Ну что, по магазинам? – предложила Карина, как только мы вышли из здания школы.

– Еще чего! – фыркнула я. – Не собираюсь проводить свой первый день в городе мечты запертой между витриной и кассой!

– Мама составила мне список мест, которые надо увидеть: Лувр, Эйфелева башня, Мулен Руж... – заговорила Ира.

– Ходить по туристическим местам – это скучища! – отозвалась Марина. – Я хотела бы увидеть места, связанные с моими любимыми историческими событиями: дом, где жил Робеспьер, клуб, в который ходил Робеспьер, тюрьма, в которой сидел Робеспьер...³

– Это никому не интересно, – перебила ее Карина. – Давайте отправимся на Елисейские Поля.

– Нет, к Эйфелевой башне!

– Но говорят, ее лучше смотреть вечером...

– Тогда на Монмартр!

– Мы вчера уже были там!

³ Максимилиан Робеспьер (1758–1794) – деятель Французской революции, на определенном этапе которой он стал фактическим главой государства. Большой моралист и зануда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.